

ПОЧЕРК Валентина Распутина и в новой его повести распознаешь сразу же. И дело не только в том, что вновь встречаешься с колоритными приметами «сибирской дальней стороны», вновь видишь и привольную Ангару, и чернеющий лес, ощущаешь смолистый запах, слышишь стук дятла на сухой лесине. Главное в той неуклонности, с какой идет писатель навстречу трудным жизненным вопросам. И пусть не всегда и не во всем соглашаешься с ним — уже само обращение к болезненным точкам человеческого бытия безусловно достойно внимания и уважения.

«Пожар» — пожалуй, наиболее публицистичное произведение В. Распутина. Наряду с выразительными картинками различных типов поведения людей во время бедствия автор апеллирует к читательскому чувству и сознанию и собственными раздумьями, которыми он наделяет своего главного героя. Изобразительный и публицистический ряды сходятся в едином смысловом центре — главном образе повествования, определяющем его пафос, тональность, ту систему нравственных координат, с какой подходит автор к героям. Это образ дома, понимаемый гораздо шире, чем просто жилище, как социальная, психологическая, нравственная среда обитания человека. «Чтобы человеку чувствовать себя в жизни сносно, нужно быть дома. Вот: дома. Поперед всего — дома, а не на чужбине, в себе, в своем собственном внутреннем хозяйстве, где все имеет определенное, издавна заданное место и службу. Затем дома — в избе, на квартире, откуда с одной стороны уходишь на работу и с другой — в себя. И дома, на родной земле». Таков итог долгих раздумий Ивана Петровича Егорова, человека основательного, честного и совестливого.

За двадцать лет существования леспромхозовского поселка Сосновка, вобравшего в себя шесть деревень, многие его жители утратили чувство дома. Об этом свидетельствует уже сам внешний неуютный и неопрятный вид этого поселения «бывачного типа», «временного пристанища». И хотя каждый год собираются рубли на починку тротуаров, принимаются планы озеленения, по-прежнему стоит Сосновка «голо, вызывающе открыто, слепо и стыло».

Не хозяевами в доме, а временными постояльцами чувствуют себя здесь люди. И причина этого не только в пестроте населения, не только в том явлении, что на официальном языке именуется текучестью рабочей силы. Да, приезжают и уходят люди легкие, не обзаводящиеся хозяйством, гонимые «словно бы сектантским отвержением и безразличием ко всякому делу». Да, верховодят «Архаровцы» — «сплоченной, держащейся не на лучшем, а словно бы на худшем в человеке». Беда в том, что и коренные жители Сосновки капитулируют перед нравами и установлениями пришлых, заражаются жадной бездумно раздольной жизни и продают свой дом. Рвутся годами налаженные человеческие связи, трудовые ли, бытовые. Люди расходятся всяк по себе, отворачиваются и отбиваются от общего и слаженного существования, которое «хранилось не вчера придуманными привычками и законами».

Добро оказывается разобщенным, зло же все теснее сплывается в силу, представляющую серьезную социальную опасность. Дух коллективизма, сообщество трудовых людей все сильнее и сильнее теснятся «общинами» другого толка. И вот магазин начинает играть в жизни иных сосновцев неизмеримо большую роль, чем работа. А в магазине наиходовой товар — водка. И одноклассники уже в разряд продовольственных товаров — им местные «гурманы» сдобряют импортные сухие вина. «Архаровцы» «командируют» своего друга в далекий город, чтобы «утолить жажду», а начальник участка, обеспокоенный выполнением плана, спешит в бригаду, прихватив с собой вместе с положенными пачками чая несколько бутылок. А солидарность, покоящаяся только на пьянстве, — солидарность химерическая, не выдерживающая столкновения со сколько-нибудь серьезными трудностями.

Издавна бытовало в нашем народе устойчивое словосочетание: «всем миром». Всем миром встречали любую напасть, заботясь прежде всего не о своем личном благе, а об общем. За примерами не надо обращаться к далекому прошлому. Вспомним хотя бы, как отстраивался Ташкент, как в наши дни спешат на помощь деревням и поселкам, застигнутым наводнением. В чрезвычайных, экстремальных обстоятельствах особенно наглядно выявляется сила или слабость и личности, и коллектива, их нравственный потенциал. Пожар складов стал серьезным испытанием для Сосновки, и это испытание она не выдержала. Суть не в том, что не удалось отстоять немало добра, а в том, что среди сосновцев нашлись и такие, которые общую беду пытались обратить к

своей мелкой личной выгоде. На пожаре все чаще стали появляться пьяные, соблазненные даровой водкой. Один из старожилов тащил мешок с мукой к себе домой. «Архаровцы», пиная ногами, как мяч, сверток с импортными тряпками, пытались перебросить его через забор, и когда увечный дядя Миша Хампо, горько переживающий любую кражу, попытался воспрепятствовать этому, его прикончили тяжелой металлической колотушкой.

Утрата дома начинается с утраты твердых жизненных принципов. Это хорошо понимает Иван Петрович, справедливо полагающий, что в жизни, быть может, самое важное: каждому на своем заданном месте держаться правильного направления, а не кривить без пути и не завязывать его в узлы неопределенно-искательными перебежками. Долго и упорно доискивается он ответа на мучающие его вопросы. Как случилось, что иные люди стали спокойно переступать черту, отделяющую добро от зла, «принялись прогуливаться туда и обратно, по-приятельски пристраиваясь то к одной компании, то к другой, и рас-

ЖУРИ

щества, живущего по своим твердым и незыблемым законам.

Даже у самого сильного человека бывает пора мучительных и горьких раздумий, обычно предшествующая принятию какого-нибудь важного жизненного решения. Эта пора пришла и к Ивану Петровичу. Он подумывает о том, чтобы уехать из Сосновки и перебраться к сыну. Он уже и заявление об увольнении подал. Но правильно ли он поступает? Этот неотвязный вопрос не дает ему покоя. «Никто за хвост не держит, а Сосновка сама? А земля, которой отдана жизнь?» И когда уже после пожара Иван Петрович встречает Афанасия, он внимательно прислушивается к словам товарища: «Тяжелое это дело, Иван Петрович, — жить на свете, а все равно... все равно надо жить» — и твердо отвечает: «Будем жить». В. Распутин завершает повествование открытым финалом. Нам остается только догадываться, уедет ли герой или останется в Сосновке. Но хочется верить, что Иван Петрович не оставит родную землю, будет по-прежнему прилагать все усилия к тому, чтобы обиходить свой дом.

Вспоминаю, как лет тридцать назад уважаемый критик озглавил свою журнальную статью «Так ли прост простой человек?». Сегодня такая постановка вопроса способна вызвать разве что улыбку. Литература сумела передать колоссальное богатство душевного мира так называемого «простого» человека, рядового труженика, силу и глубину его мыслей и чувствований. И В. Распутин выводит характер сложнейший, порой противоречивый, рисует человека чистого и цельного, подверженного, однако, сомнениям и колебаниям. И это понятно. Дом — это не только внешний мир, но и внутреннее состояние человека. И здесь не всегда бывает все гладко. Думаю тем не менее, что порой сомнения героя выглядят как рефлексия, так не выходящая со всем его обликом. Мне кажется, к примеру, что такая авторская характеристика: «В себя полный тарарам, как на разбитом и перевороченном возу» — сильно преувеличена и может быть оспорена прямым обращением к самой повести. Выше уже говорилось, что многие собственные раздумья автор доверяет своему герою. Но герой не всегда выдерживает эту нагрузку. Взять хотя бы такой пассаж: «не будучи доверенным, мир расшатался и на старых основаниях, а люди торопливо возводят все новые и новые, раскачивающиеся на незакрепленных низах». Откуда это несправедливое обобщение? Ведь Сосновка — еще не весь мир, ведь в тех же Сырниках «низы», судя по всему, закреплены прочно.

Вокруг последней повести В. Распутина можно спорить и, очевидно, будут спорить. Эти споры, уверен, не поставят под сомнение то истинно ценное, что есть в ней. «Пожар» — весьма своевременное произведение. Определяя жанр, я назвал бы ее повестью-предостережением, повестью-призывом. С ее страниц явственно слышится неравнодушный голос: люди, давайте сообща, дружно наводить порядок в нашем доме, давайте этот дом обустроить и обихаживать. Чтобы жить в нем было светло и чисто.

Ф. ЧАПЧАХОВ

ДОМ ИЛИ ПРИСТА- НИЩЕ?

Заметки

о повести

Валентина

Распутина

«Пожар»

«Наш современник»,
№ 7, 1985.

терли, затоптали разделяющую границу? Почему «не естественная склонность к добру стала мериллом хорошего человека, а избранное удобное положение между добром и злом, постоянная и уравновешенная температура души»? На эти вопросы герой не находит ответа. Но он твердо знает, что нельзя оставаться равнодушным, нельзя уйти от этих вопросов, нельзя жить, говоря словами великого сатирика, «применительно к подлости». Вот почему он не приемлет позицию тех, кто отчаялся и нашел утешение в нехитрой формуле: «Гори оно все синим пламенем». Не может согласиться и с Афанасием Бронниковым, считающим, что он работает честно, живет честно, не ворует, не ловчит — и хватит. Ивану Петровичу этого мало.

Герой повести, уезжавший из родной Егоровки только на войну, а из Сосновки — в гости к детям, тем не менее прекрасно сознает, что существует жизнь, разительно отличающаяся от жизни леспромхозовского поселка, что не всюду живут одинаково. Ведь вот же в Сырниках, где обитает сын, и жизнь не надрыная, и порядка куда больше. Значит, «есть куда оборачиваться за поддержкой». Значит, и в Сосновке надо наводить порядок. Об этом неустанно и открыто говорит Иван Петрович, во все встречается, лезет на рожон.

«Да, он работник, он за собой это знает, и с той высоты, на которую он взмывает в работе, жизнь видится надежней всего». Честь и достоинство рабочего человека не позволяют Ивану Петровичу мириться с тем, что происходит в поселке. Вот почему открыто выступает он против «архаровцев», гневно бросает начальнику участка: «Лучше б мы другой план завели — не на одни только кубометры, а и на души!» Но в Сосновке уже привыкли косо смотреть на всякого, кто «качает права» и говорит о совести, и герою приходится расплачиваться за свое стремление к справедливости. Ему мелко и гадко мстят: то выведут из строя его «КрАЗ», то вытопчут палисадник перед домом.

У Ивана Петровича в поселке не столь уж много сторонников. Вот и хочется спросить: что же, в Сосновке так уж бедны здоровые силы, что действительно кубометры деловой древесины заслонили человека, его нужды и чаяния? Ведь Сосновка, пусть и крохотная, но часть нашего об-